

4. Ивонина, Л. И. Война за Испанское наследство. / Л. И. Ивонина. – Смоленск, 2010.
5. Шиндлинг, А. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия / А. Шиндлинг, В. Циглер. – Ростов-на-Дону, 1997.
6. Aretin, K. O. von. Das Alte Reich. Bd.2: Kaiserstradition und Österreichische Grossmachtpolitik (1684-1745) / K. O. von Aretin. – Stuttgart, 1997.
7. Aretin, K. O. von. Das Reich. Friedensgarantie und europäisches Gleichgewicht 1648–1806 / K. O. von Aretin. – Stuttgart, 1992.
8. Arneth, A. von, Prinz Eugen von Savoyen. Bd.1 / A. von Arneth. – Wien, 1864.
9. Braubach, M. Ein Rheinischer Fürst als Gegenspieler des Prinzen Eugen am Wiener Hof. / M. Braubach. – Bonn, 1969.
10. Braubach, M. Prinz Eugen von Savoyen. Eine Biographie. Bd. I / M. Braubach. – Wien, 1963.
11. Großegger, E. Mythos Prinz Eugen. Inszenierung und Gedächtnis / E. Großegger. – Wien; Köln, Weimar, 2014.
12. Heilindsetzer, G. Prinz Eugen und die Führungsschicht der österreichischen Großmacht 1683–1740. Österreich und die Osmanen. Prinz Eugen und seine Zeit / G. Heilindsetzer. – Wien, 1988.
13. Hochedlinger, M. Austria's Wars of Emergence. War, State and Society in the Habsburg Monarchy 1683-1797 / M. Hochedlinger. – L., N.Y., 2003.
14. Ingrao, Ch. In Quest and Crisis. Emperor Joseph I and the Habsburg Monarchy / Ch. Ingrao. – West Lafayette, 1979.
15. Junkelmann, M. Feldzug und Schlacht von Höchstädt. Die Schlacht von Höchstädt. The Battle of Blenheim. Hrsg. von J.Erichsen und K.Heinemann / M. Junkelmann. – Ulm, 2004.
16. Kriege und Krisen. Deutschland 1600–1715. – München, 1991.
17. Kunisch, J. Prinz Eugen und der Staat. Der Typus des neuen Feldherrn. Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit / J. Kunisch. – Freiburg; Würzburg, 1986.
18. Militärische Korrespondenz des Prinzen Eugen von Savoyen. Hrsg. von F.Heller, Bd.1. – Wien, 1848.
19. Press, V. Joseph I (1705–1711) Kaiserpolitik zwischen Erbländen, Reich und Dynastie. Deutschland und Europa in der Neuzeit. Hrsg. von R.Melville, C.Scharf, M.Voigt und U. Wergenroth / V. Press. – Stuttgart, 1988.
20. Schilling, H. Höfe und Allianzen. Deutschland 1648-1763 / H. Schilling. – Berlin, 1998.
21. Vocolka, K. Österreichische Geschichte 1699–1815. Glanz und Untergang des höfischen Welt. Representation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat / K. Vocolka. – Wien, 2001.

*Л. И. Ивонина, профессор
Смоленский государственный университет*

ГРАНИ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ АМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ И МЕТРОПОЛИИ ПОСЛЕ СЛАВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1688–1689 гг. В БРИТАНИИ

В историографии Славной революции отведено достойное место, и конечный вывод целого ряда исследователей, несмотря на различные направления и школы, сводится к вигскому тезису о том, что это событие «спасло Британию от революций столетием позже» [7, р. 185]. Между тем

некоторые результаты Славной революции требуют более пристального внимания, в частности, ее воздействие на другие политические потрясения «столетием позже». Что касается выявленного современными историками ее влияния на Французскую революцию, то здесь прежде всего отмечен международно-правовой аспект. Именно на события 1688–1689 гг. в Британии ориентировалась появившаяся после отмены Нантского эдикта во Франции в 1685 г. гугенотская диаспора в Европе, распространяя в своих сочинениях концепцию «короля-тирана» [9, р. 94–141; 18, р. 38].

Но первостепенным событием, на которое оказала влияние Славная революция, была война североамериканских колоний 1775–1781 гг. за независимость. И здесь возникает ряд вопросов: где, собственно, эта война проходила – в Британии или нет? Как идентифицировали себя колонисты? Понятие «Британия» нередко прилагается ко всей Британской империи, а до войны колоний за независимость как часть Британии подразумевались и североамериканские штаты. Недаром в историографии имеет место концепция «трех Британских революций» [14]. Еще в конце XIX в. Дж. Р. Сили предложил изучать историю Великобритании неотрывно от истории ее колоний, поскольку их объединяли английская культура и язык. По его мнению, имели место малая Британия (территория Британского архипелага) и большая (метрополия и заморские поселения) [15, р. 66–70]. Во второй половине XX в. концепции «имперских» историков в США и Большой Британии в Великобритании оформились во влиятельные историографические направления. С легкой руки Дж. Г. Э. Покока в Великобритании появилась «новая Британская история», а американские исследователи в русле «атлантической» или «интернациональной» истории рассматривают историю США в качестве локального варианта мирового исторического процесса и истории Великобритании в частности [5; 17, р. 1031–1055].

В любом случае, проблемы восприятия колониями Славной революции и английской идентичности в американских штатах связаны именно с широким пониманием Британии. Ведь в колониях Новой Англии возникала полноценная этнически однородная община, т.е. закрепился поселенческий тип колонизации. Поселенцы в основном ехали в Америку со своим культурным багажом, копировали английскую политическую систему, экономические модели и чаще всего сохраняли сложившуюся в Британии социальную стратификацию. Большое значение имела также «идейная» интеграция новых земель. Современные теории наций и национализма склонны рассматривать все сообщества «крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу», как «воображаемые», поскольку те не имеют под собой иного фундамента, кроме осознания своей идентичности, т.е. принадлежности к этому сообществу [1, с. 31]. Интеграция поселений в английскую империю зависела как от восприятия англичанами заокеанских владений, так и от самоидентификации переселенцев.

Процессу «идейной» интеграции Новой Англии способствовало то, что колонизация совпала с переходным периодом от средневековой к буржуазной цивилизации, другими словами, ранним Новым временем. Тогда проходила кардинальная ломка тех воображаемых структур, в которые европейцы вписывали свои сообщества. Под воздействием Реформации, европейских войн и политических потрясений концепт единого христианского

мира стал постепенно заменяться концептом «Европа», состоявшим из группы отдельных «протонациональных» сообществ. Жители Британских островов столкнулись с необходимостью определить свое отношение к заокеанским поселениям одновременно с процессом формирования собственной идентичности. Америку стали воспринимать как возрождение Англии на новом месте, что можно рассматривать как идейную интеграцию. Это подтверждает и топонимика. Многие американские топонимы образованы из старых английских названий и эпитета «новый» – Новая Англия, Новый Плимут и т. д. Причем эпитет «новый» воспринимался синхронически, а не использовался как знак преемственности (к примеру, новый город построен на месте старого). К концу XVII в. в названиях новых заокеанских колоний уже звучит термин «Британия». Так, в 1700 г. британский мореплаватель Уильям Дампьер (Дампир) открыл меланезийский остров площадью 35 144,6 км² и назвал его Новой Британией.

Согласно Б. Андерсону, в колониях люди воспринимали себя как «группы, живущие параллельной жизнью с другими большими группами людей... движущихся по общей с ними траектории». Несмотря на географическую отдаленность американского континента, поселенцы ощущали свою принадлежность к родине. Так, один из видных членов лейденской пуританской общины, решившей переселиться в Новый Плимут, Р. Кашмен, повествуя о заморской колонии, подчеркивал ее сходство с Англией: «Новая Англия была названа так Джоном Смитом в его “Описании” не только для того, чтобы избежать новшества, но и из-за своего сходства с Англией, родиной англичан...» [1, с. 204–205; 6, р. XI]. Поселенцы также ощущали, что родина была к ним не очень милостивой. Как позже отмечал А. Смит, «для некоторых своих подданных, неуютно чувствовавших себя на родной почве, Англия приобрела огромную территорию в отдаленной стране». Именно эти слова стали эпиграфом к известной книге Д. Бурстина [2, с. 4].

Итак, интеграции колоний в состав зарождающейся Британской империи в XVII в. способствовал поселенческий тип колонизации, импортировавший в Америку английские институты, а также то, что американские поселения осваивались одновременно с формированием английской нации. Но важно и то, что процесс колонизации сопровождала идейная интеграция Америки в состав большой империи, строившаяся в начале XVII в. на идее религиозной миссии Британии. То, что поселения, пытавшиеся воплотить религиозные утопии, подобные анабаптистским радикальным экспериментам в Европе, оставались в подчинении Лондона и стали частью Большой Британии, можно объяснить воображаемым единством «старой» и Новой Англии. Как ни парадоксально, это идейное единство превратилось в одну из причин их отделения от метрополии в веке Просвещения, и в первую очередь потому, что оно должно было подкрепляться правом и соблюдаться как колониями, так и метрополией. На практике же обе стороны в силу происходивших перемен и потребностей собственного развития нарушали его.

Получается, никакого парадокса здесь нет. Обществом управляют прежде всего геополитическая и экономическая реальности, и наряду с интеграцией с метрополией в колониях тлели дезинтеграционные процессы. В этом плане стоит обратить внимание, при всех ее недостатках, на популярную теорию «консенсуса» (Л. Харц, Д. Бурстин, Р. Хофстедтер, А. Шле-

зингер-младший), ведь, по сути, заморские поселения сами по себе уже являлись зернами дезинтеграции. Как замечал Д. Бурстин, «новая цивилизация рождалась не столько из планов и проектов, сколько из того отрицания, какое Новый Свет приносил в обыкновения Старого» [2, с. 4]. Но тихо тлевшая дезинтеграция не разгоралась до тех пор, пока существовала вера в идейное единство Большой Британии.

Если обратиться к политико-правовым аспектам, то, как в целом справедливо отмечал В. В. Согрин, периодизация политической истории Северной Америки колониального периода, по сути, совпадает с периодизацией английского политического развития. В ней могут быть выделены два главных этапа: до и после Славной революции в Британии. На первом этапе Северная Америка в разной степени развивалась под влиянием конкуренции раннебуржуазных и «абсолютистских» начал в Англии. На втором этапе американцы с энтузиазмом поддержали конституционно-правовые принципы, восторжествовавшие в Британии, столкнувшись при этом с сопротивлением метрополии, для которой конституционные свободы были приемлемы только на своей территории, а в колониальных владениях оказались обременительными [3, с. 28]. Именно с этого времени начался активный период дезинтеграции американских колоний с метрополией.

Несмотря на идейное единство с метрополией, колонии в силу географической удаленности, социального и конфессионального статуса поселенцев изначально формировались на основе широкой автономии, близкой к территориальному суверенитету. Причем суверенитет этот, в отличие от парада территориально-абсолютистских (или территориально-административных) суверенитетов в Европе после Вестфальского мира 1648 г., являлся республиканским⁶. Это отражала ранняя американская политическая мысль. Как и в Британии, она имела в «век революций», начавшийся в рамках «конфессионального столетия», религиозную окраску. Одной из главных доктрин протестантизма было признание Ковенанта между людьми и Богом как основы устройства общественных отношений. В Северной Америке она получила наиболее полное развитие в воззрениях Р. Уильямса, Д. Уайза, Т. Хукера. Эти пуританские мыслители выступали за либерализацию общественных порядков, введение веротерпимости и пересмотр сомнительных прав короля на земли в Новом Свете. В основании их системы взглядов лежали договорная теория происхождения государства, идея народного суверенитета, учение о государстве как инстанции, уравнивающей интересы общества [13, р. 66–67].

Протестантский ветер, который благоприятствовал английским и голландским силам Вильгельма Оранского пересечь Ла-Манш и высадиться в Торбее, пересек Атлантику и оказал мощное политическое влияние на американских англичан от Бостона до Барбадоса. После Славной революции 1688–1689 г. в Англии американские политические лидеры как никогда раньше хотели видеть на другом берегу Атлантики законность, возможность военной

---

⁶ О суверенитетах в Европе см.: *Kittsteiner, H. D. Die Stabilisierungsmoderne. Deutschland 1618-1715.* – München, 2010. – S. 24–25; *Duchhardt, H. Frieden im Europa der Vormoderne. Ausgewählte Aufsätze 1979–2011/ Herausgegeben und eingeleitet von M. Espenhorst.* – Paderborn-München-Wien-Zürich, 2012. – S. 37–39, 61–64.

помощи и политического патронажа. Ряд колоний восстали против своих губернаторов в Америке, провозгласив свои действия частью революции, которую их братья совершают на родине против арбитражного правительства и угрозы католицизма. Они опирались на принятую ими концепцию империи, которая предполагала, что колонисты в Америке располагают теми же правами, что и на родине. При этом они вели борьбу не только за политические права – она была сложносоставной и предполагала борьбу одних групп американцев за превосходство над другими для удовлетворения своих нужд и амбиций, которые вытекали из политических, экономических и социальных условий каждой колонии. Ну и, конечно, следует иметь в виду желание использовать английский кризис 1688 г. для своих личных целей.

В любом случае, британские события 1688–1689 гг., идейно еще больше сблизив колонии с метрополией, одновременно активизировали и обострили их отношения. В первую очередь важно отметить этнический состав штатов. В конце XVII в. в 12 колониях проживали примерно 250 000 человек. Большую их часть составляли англичане, однако в среднеатлантических колониях проживало небольшое количество голландцев, шведов и немцев. В Южной Каролине и в других колониях попадались французы-гугеноты, испанцы, итальянцы и португальцы. После 1680 г. Англия перестала быть основным источником иммиграции. Население колоний удваивалось каждые 25 лет, пока не превысило 2,5 млн в 1775 г. А первая перепись населения, согласно данным United States Historical Census Data Base (USHCDB) (2002), проведенная 2 августа 1790 г., зарегистрировала 3 929 214 человек. Оценочные результаты показывают, что люди с английской родословной составили приблизительно 47,5 % общей численности населения или 60,9 % европейского происхождения. В целом около 80,7 % населения Соединенных Штатов были европейского происхождения. Приблизительно 757 208 человек имели африканское происхождение, из них 697 624 являлись рабами. Из оставшихся более 75 % имели британское происхождение. Штатами с самым высоким процентом английской родословной были Массачусетс (82 %), Вермонт (76 %), Род-Айленд (71 %), Виргиния, включая Западную Виргинию (68,5 %), Коннектикут (67 %), Мэриленд, включая округ Колумбия (64,5 %), Северная Каролина (66 %), Нью-Хемпшир (61 %), Южная Каролина (60,2 %), Мэн (60 %), Делавер (60 %), Кентукки и Теннесси (57,9 %), Джорджия (57,4 %), Нью-Йорк (52 %), Нью-Джерси (47 %), Пенсильвания (35,3 %) [4, p. 88].

Главным понятием в колониях была «свобода». Колонисты различались как по социальному, так и по религиозному статусу. Пуритане, католики, квакеры искали свободы утвердить свои собственные ортодоксии, владельцы колоний желали меньше зависеть от метрополии и одновременно быть защищенными ею, тогда как Лондон стремился к более регулярным и тесным отношениям с Америкой, стремясь взять ее под свой контроль.

Для иллюстрации конкретных взаимоотношений метрополии и колоний после Славной революции обратимся к реальным событиям. Так, весть об успешной экспедиции Вильгельма Оранского изначально породила эйфорию среди многих поселенцев. 18 апреля 1689 г. восстали горожане Бостона. Они арестовали губернатора Эдмунда Андроза и его помощников, избрали магистрат. Доминион Новая Англия распался, а его колонии про-

возгласили королем Вильгельма III. Еще более бурные события произошли 31 мая в Нью-Йорке. Восставшие образовали правительство во главе с бывшим солдатом голландской Вест-Индской компании, впоследствии зажиточным торговцем и капитаном местной милиции Джекобом Лейслером, признавшее Вильгельма Оранского. Правительство вступило в переговоры с другими колониями, свергнувшими якобитов. Среди них был Мэриленд, где восставшими руководил полковник Джон Куд.

Было объявлено о выборах в Генеральную ассамблею. От участия в них устранили католиков и якобитов, что не обеспечило единства членов новой ассамблеи. Чтобы положить конец дискуссиям, Джон Куд летом 1690 г. отправился в Лондон представить королю Вильгельму обвинения против владельца провинции Чарльза Калверта, 3-го лорда Балтимора. Противники лорда верили в успех: близкий свергнутому королю квакер Уильям Пенн был уже в тюрьме. Но надежды не оправдались.

Вильгельм III лишил лорда Балтимора политической власти над Мэрилендом, но направил туда своего губернатора. При этом за лордом сохранялись все имущественные права. Поскольку колонистам предстояло отныне иметь дело непосредственно с короной, это даже осложнило их борьбу за свои привилегии. Королевской хартией 1691 г. Новый Плимут был присоединен к Массачусетсу. Но радость пуритан была сильно омрачена отменой церковного избирательного ценза и введением должности королевского губернатора с правом вето и назначения судей. Пуританские политики потеряли надежду на возвращение к власти, но их влияние, основанное на имущественном положении, на силе традиции и агрессивном религиозном фанатизме, сохранялось еще долго, поскольку губернатор искал связей с местными лидерами и попустительствовал их религиозной политике.

В 1694 г. Вильгельм III освободил Пена, восстановив его в правах владельца колонии. Однако местная ассамблея, привыкшая в его отсутствие действовать самостоятельно, ограничила его права. Наследники первого владельца Пенсильвании располагали еще меньшей властью. Назначаемый ими губернатор вынужден был согласовывать все свои решения с Ассамблеей. «Нижние графства» колонии по р. Делавэр почти не считались с властями Филадельфии. В 1691 г. туда назначили особого губернатора и учредили отдельную ассамблею. Постепенно за «нижними графствами» закрепилось название Делавэр, который фактически отделился от Пенсильвании, хотя формально входил в нее до 1776 г. В Каролинах, Нью-Йорке и Нью-Джерси развитие шло в том же направлении, что в Мэриленде и Пенсильвании. Стремясь укрепить в колониях собственную власть, правительство метрополии не могло не ограничивать права их владельцев [16, р. 37–53, 171–191].

Так, хотя после Славной революции полномочия британского монарха были значительно урезаны, в отношении к колониям они возросли. Серьезно ущемлялась власть местных ассамблей, и все больше колоний превращались в королевские. Собственнические территории отдавались одна за другой под юрисдикцию монарха, так что в перспективе к середине XVIII в. в Северной Америке осталось только три собственнические колонии – Мэриленд, Пенсильвания и Делавэр. Сохранялись еще две корпоративные колонии – Род-Айленд и Коннектикут. Остальные восемь колоний были королевскими. Исполнительная власть английского монарха в Новом Свете осу-

ществлялась при помощи губернаторов, а законодательная – посредством королевских инструкций.

Американская политика Вильгельма Оранского породила комплексный процесс лоббирования и все возраставшее убеждение в том, что колонисты сами могут играть влиятельную роль. При этом они выражали свои политические цели в терминах, извлеченных из их отношений с Англией. Восстания в Америке в 1689 г. сочетались с призывами колонистов защитить свои права и привилегии как англичан. «Я истинный англичанин, – заявлял в 1796 г. брат пуританского мемуариста Сэмюэла Сьювелла, – и я лояльный вильямит». Ряд колоний издали Декларации своих прав, используя английскую Петицию о правах и фразы из Великой хартии вольностей. Параллели с английской политической практикой проявлялись даже в колониях, которые непосредственно не управлялись Коронай, и выражались в призывах перейти от однопалатного к двухпалатному законодательному органу, к парламентским привилегиям и к ограничению исполнительной власти [8, р. 236].

Принятие колонистами Славной революции цементировало их связи с Англией и английскими властями. Но она также заложила основу определения их отношений в терминах, защищавших местную автономию и ограничивавших исполнительные английские органы. Политическая и социальная «англицизация» колонистов, хотя и создавала идейное единство, не диктовала покорности и подчинения, наоборот, она подталкивала их к сопротивлению и выводила из единообразной политической культуры, поскольку любое расширение английской власти ущемляло их права как англичан. Фактически то, что шло от осознания себя англичанином, могло обернуться ограничением английской власти. Многие колонии копировали английские политические структуры, но на практике функционировали по-иному. Например, Массачусетская хартия 1691 г. стала впоследствии в глазах патриотов, например, Джона Адамса, компактным прикрытием штата от дальнейшего «имперского регулирования» [10, р. 436–438].

Немаловажным представляется и следующее обстоятельство. XVII век в литературе вполне оправданно отмечен как «малое ледниковое столетие», характеризовавшееся необычной концентрацией экстремальных климатических явлений: в одних частях света и странах – продолжительной засухой, в других – длительными дождями и наводнениями, в третьих – пиком сейсмической активности и землетрясениями. Все эти явления породили демографический упадок, эпидемии, войны, мятежи и революции, поскольку ответом на них стали «неверные политические шаги религиозных и политических лидеров», приведшие к кризису в глобальном масштабе [12, р. 7–26]. От кризиса больше страдали композитарные государства, в которых и так имела место политическая нестабильность, в основном из-за сохранения территориями своих институтов и коллективной идентичности с разным языком и религией. Таким государством являлась Британия. Вместе с тем, несмотря на ряд природных катаклизмов (1675 был годом без лета, например), в Америке кризис проявился в гораздо меньшей степени. Ее население, в отличие от Европы, не уменьшилось в середине столетия, обладало более крепким здоровьем, и половина поселенцев доживала до 70-ти. При этом Великий мятеж 40-х гг. XVII в. в Англии усилил английскую Америку. Коллапс цен и перерыв в трансатлантической торговле после

1640 г. подвигли колонистов опираться на собственные ресурсы [12, р. 446–452]. Неудивительно, что британский «эффект Феникса», т.е. выход из кризисной ситуации, в значительной степени ассоциировался с эксплуатацией колоний.

В любом случае, когда историки отмечают, что Славная революция подтолкнула колонии «от столетия партнерства к конфликту наций», они несколько преувеличивают. В событиях 1688–1689 гг. в метрополии штаты, при всех своих разнородных интересах, увидели реальный шанс получить именно британские свободы, но в определенных рамках желали развиваться самостоятельно, ибо видели в них «краеугольный камень политической собственности и протестантского превосходства» [11, р. 322]. Славная революция вовлекла в единый процесс разрозненные силы раннего американского конституционного развития.

Таким образом, после 1689 г. можно выделить три грани дезинтеграции колоний и метрополии: 1) дезинтеграция, порожденная формированием территориального суверенитета колоний под влиянием геополитического фактора и разнородных интересов; 2) дезинтеграция как итог размежевания общественных интересов в ходе любых политических потрясений; 3) дезинтеграция как следствие глобального кризиса, затронувшего Европу в гораздо большей степени, нежели Америку, что усилило британский нажим на колонии. В результате Славная революция 1688–1689 г., поставив английские колонии в Северной Америке в большую зависимость от центра, усилила Англию и разделила Британию. При этом ключевым моментом дезинтеграции стала, как ни парадоксально, британская идентичность колонистов, которые принесли с собой в Америку уверенность в английской исключительности и английском превосходстве, умноженном на свое в целом успешное развитие. Когда все это стало явно игнорировать метрополия, наступило время сопротивления.

Список использованных источников

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001.
2. Бурстин, Д. Американцы: Колониальный опыт / Д. Бурстин. – М., 1993.
3. Согрин В. В. Политическая история США. XVII – XX вв. / В. В. Согрин. – М., 2001.
4. Boyer, P. S. The Enduring Vision: A History of the American People / P. S. Boyer [et al.]– Cengage Learning, 2013. – Vol. I.
5. Bridging the Atlantic: The Question of American Exceptionalism in Perspective: Papers Presented at a Symposium Held at a German Historical Institute in Washington D.C., June 8–10, 1995 – Washington (D.C.); Cambridge; New York, 2002.
6. Cushman, R. The First Sermon Ever Preached in New England; the First Printed and the Oldest America Discourse Extant / R. Cushman. – N.Y., 1858.
7. Holmes, G. The making of a Great power. Late Stuarts and early Georgian Britain. 1660–1722 / G. Holmes. – L., 1993.
8. Jonson, R. The Revolution of 1688–89 in the American colonies / R. Jonson // The Anglo-Dutch moment. Essays on the Glorious Revolution and its world impact/Ed. by J. Israel. – Cambridge, 1991.
9. Jurieu, P. Lettres Pastorales Adresses aux fideles de France, qui gemissent sous la captivite de Babilon / P. Jurieu. – Rotterdam, 1688.

10. Lewis, Th. B. A revolutionary tradition, 1689–1774: «There was a Revolution here as well as in England» / Th. B. Lewis // *New England Quarterly*. – 46 (1973).
11. Livingston, W. *The Independent Reflector*. 16 Aug. 1753 / W. Livingston / – Cambridge (Mass.), 1963.
12. Parker, G. *Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century* / G. Parker. – New Haven, 2013.
13. Perry, R. B. *Puritanism & Democracy*. / R. B. Perry – N. Y., 1944.
14. Pocock, J. G. A. *Three British Revolutions: 1641, 1688, 1776* / J. G. A. Pocock. – Princeton, 1980.
15. Seeley, J. R. *The expansion of England: Two courses of lectures* / J. R. Seeley. – London, 1914.
16. *The Glorious Revolution in America. Documents of the colonial crisis of 1689* / Ed. by M. G. Hall, L. H. Leder, M. G. Kammen. – Chapel Hill, 1964.
17. Tyrrell, I. *American Exceptionalism in an Age of International History* / I. Tyrrell // *The American Historical Review*. – 1991. – Oct. – Vol. 96. – № 4.
18. Van Kley, D. *The Religious Origins of the French Revolution* / D. Van Kley. – New Haven; L., 1996.

*T. Karchava, assistant-professor
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University*

GEORGIA IN THE CONTEXT: LEVANT COMPANY AGENTS ABOUT EUROPEAN-SAFAVID RELATIONS DURING «LONG TURKISH WAR»

- Discussion about the relationship between East and West is always current regardless the fact that whether covers religious, political or economic-cultural aspects. After the crash of Byzantine Empire in the XVI century, Ottomans' settled within this territory and gradually managed to cover important land of Asia, Europe and North Africa. For the early modern period Europe, creating an Anti-Ottoman alliance, became one of the problematic issues in a political agenda. The West (Habsburgs and Venice as an initiator of this undertake) considered Safavid Persia as the most real partner in this initiative as Persia was Ottomans' main rival in the Near East.
- Within the framework of Anti-Ottoman alliance, South Caucasus and namely, Georgian realms were directly or indirectly involved in the relationship between Europeans and Persia. Despite the fact that Georgia was no longer the united realm at that period, the results of Ottoman Empire's expansionistic politics were so crucial that every potential ally was significant and European sources considered Georgian kings in the Anti-Ottoman alliance and reviewed them in the same context with Safavid Persia. Our aim is to testify which position they had and what kind of information was accumulated by English court about Georgians' interest regarding their involvement in the Anti-Ottoman alliance based on European sources (namely, Tudor period reports of Levant Company's representatives).
- The translation of European sources and then collation with the local Georgian ones will give us the strong basis in the future for showing the attitude of Georgian realm in a more comprehensive way – was the involvement in the most important international issue their independent decision or was it